

Александра Шервинская

КАКТУС

для

ВАШЕЙ МЫШИ

Александра Шервинская

Кактус для вашей мыши

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69925222

SelfPub; 2023

Аннотация

Все читали сказку о Золушке? Ну, конечно же, все... И втайне завидовали ей, да? И ведь никто даже не задумался, а надо ли было это всё самой Золушке? Этот принц, это королевство, эта тыква в конце концов... Вот и девушка Лера, которой выпало невиданное счастье получить предложение о престижной работе (даже двух), познакомиться с крутым мачо (даже двумя), задумалась: а оно ей надо? Может, скромнее нужно быть, тише и незаметнее, как и советует лучший друг (тоже интриган тот ещё!)? Но тогда не получится сказка, а на это Лера не согласна. Но сказка будет такой, какой придумает её она сама.

Александра Шервинская

Кактус для вашей мыши

Глава 1

Белые хлопья снега за окном сливались в одно размытое светлое пятно, расплываясь и теряя чёткость очертаний, словно это уже не миллионы снежинок, а туманная серебристая пелена, скрывающая постепенно весь мир, всё заоконное пространство. А может быть, его просто там нет? Совершенно никого и ничего нет, а есть только белёсая размытая муть. Наверное, так было бы замечательно, потому что это означало бы, что не нужно выходить к людям, «держаться лицом», разговаривать, совершать какие-то никому не нужные действия. Можно просто сидеть здесь, в маленьком тёплом кафе, слушать ненавязчивую музыку и никуда-никуда не уходить. Почему-то казалось, что стоит выйти на улицу, в эту белую круговерть, как тут же проблемы набросятся, как стая волков на неосторожно выскочившего на поляну зайца. Услужливое воображение тут же нарисовало картинку: по обеим сторонам от тяжёлой двери кафе сидят, прячась в снежной дымке, проблемы, напоминающие тех самых волков, и их там много, намного больше, чем может себе позволить маленький неосторожный заяц. А здесь тепло и безопасно, мирно и вкусно пахнет кофе. Может, попроситься к ним, в кафешку, жить? Зайцу много места не надо.

Господи, какой же бред лезет в голову... Волки, зайцы... Впору укладываться на диван и слушать сакраментальное: «Вы хотели бы об этом поговорить?» Нет, не хотела бы, просто так получилось, ничего страшного, бывает. Как там говорила героиня известного фильма? «В сорок лет жизнь только начинается»? Ну вот, в сорок, а мне всего тридцать один. Так что моя жизнь ещё вообще, можно сказать, в стадии подготовки, проекта. И всё ещё впереди: и хорошая работа, и достойная зарплата, и любовь... наверное... С другой стороны, а оно мне надо? Нет, работа и зарплата, это, конечно, важно и нужно, без этого сложно хотя бы как-то прилично существовать. А вот насчёт любви уже стоит подумать. Без неё однозначно спокойнее.

– Простите, мы через десять минут закрываемся, – рядом внезапно материализовалась девушка-официантка и с извиняющейся улыбкой развела руками.

– Да, конечно, спасибо, что напомнили, посчитайте, пожалуйста, – я дождалась счёта в аккуратной кожаной папочке, расплатилась и вышла в метельную улицу, мысленно поздравившись с проблемами-волками. Они невежливо промолчали, видимо, считая ниже своего достоинства разговаривать со мной. Ну и ладно, не очень-то и хотелось.

Снег окончательно распоясался и то и дело швырял в лицо целые пригоршни колючих иголок, забирался под короткий пуховик, коварно скрывал скользкие участки дороги. Стараясь не поскользнуться на спрятавшихся ледяных участках

тротуара, я шла в сторону метро, пытаюсь сообразить, что после сегодняшних эпохальных событий у меня имеется, так сказать, в сухом остатке.

Главное, у меня есть, где жить, с остальным разберусь: эту утешительную мысль я повторяла как мантру. Действительно, вот если бы я в одночасье осталась бы без жилья – вот это была бы катастрофа. Но – Бог миловал, вернее, не Бог, а папа, оставивший мне квартиру и заставивший составить брачный контракт. Десять лет назад это было редкостью, но папа был непреклонен. И только благодаря этому я сейчас не сижу посреди метели на чемоданах, а спокойно (буду делать вид, что это так) еду домой. В опустевшую, но только мою квартиру.

Итак, жильё есть. Работа... Тут значительно сложнее, так как до сегодняшнего утра я работала в фирме мужа, теперь уже, видимо, бывшего, так как сообщение, полученное утром, не оставляло простора для фантазии. «Я ухожу, жить с тобой больше не могу и не хочу. Заявление об уходе напишут за тебя, на работе можешь не появляться. За своими вещами пришлю водителя».

Вот так конкретно и без излишних эмоций. В этом весь Антон – зачем что-то объяснять или стараться относиться к окружающим по-человечески? Это, так сказать, лишние детали гардероба. Водитель действительно приехал, смущённо пряча взгляд, забрал из шкафов вещи и, извинившись за что-то, уехал. А я осталась. Побродила по квартире, каждую

секунду натыкаясь взглядом на вещи, так или иначе связанные с мужем: вот чашка, которую я купила для него в Вене, вот наша фотография на столике возле компьютера, вот его зубная щётка в ванной, и даже полотенце всё ещё пахнет его туалетной водой... И ещё тысяча и одно напоминание о той жизни, когда рядом с ним еще не начала появляться молодая и красивая брюнетка, полностью соответствующая современным канонам: его новый PR-менеджер. Именно с того времени между нами сначала пробежал холодок, а потом возникла непреодолимая пропасть, которую я какое-то время героически пыталась преодолеть. Увы, в полном одиночестве, так как Антон с головой погрузился в новый роман, и на мои душевные терзания ему было абсолютно наплевать. Всё чаще совещания стали затягиваться, командировки участились, да и партнёры почему-то стали назначать встречи чуть ли не ежедневно, причём исключительно после окончания рабочего дня.

Стало ли утреннее сообщение неожиданностью? И да, и нет. Я подсознательно ждала чего-то такого, но... Всё равно было бесконечно больно, обидно, а ещё как-то... противно, что ли.

Утром, после бесплодных попыток понять, что мне делать дальше, я почувствовала, что больше не могу находиться дома, и позорно сбежала в центр, бездумно пробродила полдня по магазинам, даже не понимая, что делаю, а потом забрела в это симпатичное кафе, где и просидела до самого вечера,

невежливо сбрасывая звонки друзей и знакомых.

И теперь я вернулась к одному из главных вопросов человечества: что делать? Понятно, что жизнь не закончилась и всё наладится. Наверное... Да, чуть позже придёт осознание того, что прежней жизни уже не будет от слова совсем, придёт боль от предательства человека, которого я когда-то давно, в прошлой жизни, любила до безумия, до головокружения и потери ориентации в пространстве. Но это будет потом. А сейчас... сейчас надо выжить. Перевернуть страницу и начать с чистого листа. Хотя сказать легко – попробуй-ка сделать.

Начать, наверное, стоит с поиска работы, хотя на карточке и остались ещё деньги, те самые, что были отложены «на всякий случай». Вот он и настал, этот самый «всякий случай». Опять же – не стоит испытывать иллюзий и надеяться, что за прошедшие несколько лет я не потеряла былой квалификации бухгалтера. Я ведь по сути дела не работала по специальности – больше была секретарём и администратором. А думать, что за последние шесть лет ничего нового не появилось, – ну-ну.... Наверняка изменилось всё: от программного обеспечения до нормативных документов. Следовательно, либо нужны курсы переподготовки, либо другая работа. И скорее – второй вариант. Ибо курсы ещё нужно закончить, это несколько месяцев, а кушать захочется уже завтра. Ладно, устройство новой жизни начну утром, а сегодня всё же позволю себе пострадать. Имею право....

Спускаясь на эскалаторе, я задумчиво смотрела на проплывающих навстречу людей и думала о том, как бы здорово было, если бы со мной случилось что-нибудь такое, что всегда происходит с героинями моих нежно любимых романов в жанре женского романтического фэнтези. Эти романы были в большом количестве загружены в электронную читалку и, несмотря на моё неизбежное скептическое хихиканье при очередном полностью предсказуемом повороте сюжета, служили своеобразной отдушиной и лекарством при приступах апатии или просто при плохом настроении. Вот как бы здорово было сейчас внезапно увидеть какой-нибудь портал или провалиться в параллельный мир, где меня уже ждал бы эльфийский принц, ректор Академии магии, дракон в человеческом облике, демон, симпатичный оборотень (нужное подчеркнуть). Он, естественно, сначала бы злился на меня за что-нибудь, но потом непременно разглядел бы мой богатый внутренний мир и полюбил бы на веки вечные. Ну и ещё, разумеется, у меня обнаружились бы способности к магии или ведьмовские силы, ну, для полноты картины. И жили бы мы долго и счастливо...

Но плывущие навстречу к выходу из метро люди до обидного мало походили на принцев, демонов и ректоров каких-либо академий, даже самых завалящих. Они или так же равнодушно скользили по мне взглядами, или вообще не поднимали глаз от дисплеев смартфонов. Да и сама я, будем честными, вряд ли заинтересовала бы представителя

волшебного параллельного мира. Таких, как я, «на пяточок пучок в базарный день», как говорила моя бабушка.

Сидя в полупустом из-за позднего времени вагоне метро, я от нечего делать рассматривала едущих людей, в основном мужчин, и приходила к печальному выводу: если я планирую когда-то потом, может быть, налаживать личную жизнь, то потенциальную жертву искать следует точно не в общественном транспорте. И дело совершенно не в каком-то снобизме, мол, нормальные мужики на машинах и прочее. Было на лицах всех едущих мужчин почти одинаковое выражение раздражения, усталости и недовольства собой и окружающими. Нет, не хочу, и можете меня осуждать.

Когда я уже поднималась на эскалаторе к выходу, в кармане в очередной раз завибрировал телефон, и я, глянув на дисплей, обречённо вздохнула и ответила.

– Лерка? У тебя совесть есть, мать твою? Я тебе весь вечер дозваниваюсь. Что, так сложно ответить? И сразу говорю – я всё знаю. Подробности сейчас не нужны, просто ответь, ты в порядке? За тобой приехать?

– Не ори, без тебя плохо. В целом – в порядке. Макс, ты мне можешь конкретно сейчас чем-то помочь? Нет? Ну вот и всё. Дай мне пострадать в своё удовольствие, – я помимо воли улыбнулась, стараясь не показать голосом, что очень тронута. – Я устала, давай воспитательные беседы отложим на завтра, а? И ехать не надо, я через пятнадцать минут уже буду дома.

– Да уж ясен пень, что не сегодня, – Макс ещё немного попыхтел сердитым ёжиком и уже совершенно нормальным деловым тоном поинтересовался. – Завтра у меня встреча с заказчиком в двенадцать, можем потом по кофейку. Ты как?

Я пожалала плечами:

– Да не вопрос, я, как ты можешь догадаться, теперь совершенно свободная во всех отношениях женщина.

– Ну и слава всем богам, – он тяжело вздохнул, – потому что твой упырь был тебя совершенно недостоин. Мы тебя успокоим, перезагрузим, апгрейдим и замуж отдадим. За нормального, со всех сторон правильного чувака.

– Я тебя умоляю, вот только твоего нормального чувака мне для полного счастья сейчас и не хватает, – я мысленно представила того, кто может по представлениям Макса назваться этим самым «нормальным чуваком» и вздрогнула. – Давай потом, ладно?

– Потом так потом, – с подозрительной лёгкостью согласился Макс и уточнил, – а завтра около часа жди меня в «Ferme» на Садовой. Договорились?

– Договорились, – я, приятно удивлённая тем, как быстро закончился разговор, попрощалась с приятелем и короткими перебежками, спасаясь от всё усиливающейся метели, поспешила к дому, благо от метро мне нужно было преодолеть каких-то метров триста.

Дома было тихо и темно, но почему-то это совершенно не напугало и не напрягло, скорее, вызвало чувство непонятно-

го облегчения и успокоения. И избитая народная мудрость формата «что Бог ни делает, всё к лучшему» не казалась совсем уж банальной. А может быть, действительно нужно перелистнуть, перевернуть страницу и начать сначала? Ведь не просто так об этом столько говорят? Возможно, жизнь действительно может начаться заново? Что изменится в моей жизни с уходом Антона?

Да, станет хуже с деньгами, так как при всех своих недостатках, жадным или скупым муж не был. Деньги у меня были всегда, не на уровне олигархов, естественно, но на путешествия, хорошие кафе и вещи достойного качества хватало без проблем, тем более что я не любительница клубов, вечеринок и прочего божественного образа жизни. Поэтому того, что отложено на «чёрный день», на первое время однозначно хватит.

Работа... Да, с этим несколько сложнее. Но в то же время, я ведь не любила то, чем занималась в фирме Антона. В своё время муж сумел убедить меня, что работа бухгалтера – это для меня слишком мелко, скучно, и гораздо полезнее будет, если я возьму на себя различные организационные вопросы. Я тогда была влюблена, слепа, глуха и потому на всё согласна. И что в итоге? Рутинка, почти «день сурка», особенно в последнее время: согласовать встречи, помочь в составлении и проверке ряда документов, пообедать с мужем, иногда вечером в спортзал, домой, телевизор или компьютер, и спать. Так что рыдать по оставленному кабинету и кругово-

роту обыденных дел в отдельно взятой компании я точно не стану. Ну не моё это было, вот ни разу не моё.

Семья... А можно ли назвать нашу совместную жизнь в последние пару лет семейной? С большой натяжкой. Каждый жил своей жизнью, кое-как склеенной в подобие совместной. Немного общих деловых интересов, так же немного общих друзей. Как-то постепенно у Антона образовался свой круг общения, в который меня не слишком звали, а у меня – свой. Мы даже спали последнее время в разных комнатах, так как то он возвращался под утро, то я уставала или сердилась.

Возникает вопрос: так что же изменится в моей жизни в худшую сторону с уходом Антона? И напрашивается логичный ответ: ничего не изменится, во всяком случае, хуже мне не станет, это точно. С деньгами и работой разберусь, не боги горшки обжигают. С этой обнадеживающей мыслью я и уснула. И снились мне, как ни странно, не волки с зайцами, и не (слава Богу) муж, а какие-то цветные завихрения и неясные голоса.

Небольшая, но уютная кондитерская «Ferma» встретила меня ароматами кофе и какой-то несомненно вкусной выпечки. Поискав глазами Макса, я заметила его за угловым столиком: приятель с кем-то разговаривал по телефону, недовольно морщась. Он заметил меня и радостно замахал рукой, мол, я здесь. Пока я пробиралась между достаточно тесно стоящими столиками, он завершил разговор, и по его хищно прищуренным глазам я поняла, что кого-то ждёт до-

прос с пристрастием. Ключнув меня в щёку приветственным поцелуем, он так пристально стал рассматривать моё лицо, словно за ночь у меня мог появиться третий глаз или измениться форма носа.

– Ничего так, нормально, – наконец вынес он вердикт, – я думал, хуже будет. Надеюсь, ты не переживаешь? Тут не плакать надо, а шампанское пить. Наконец-то ты от этого... – тут Макс запнулся в поисках подходящего слова, даже пальцами прищёлкнул, но не нашёл и махнул рукой, – в общем, от этого избавилась.

– Макс, не переживай, я в полном порядке, – я улыбнулась ему и с удивлением поняла, что, пожалуй, действительно чувствую себя более чем прилично. – Жизнь не заканчивается, а только начинается.

– Золотые слова! – довольно ухмыльнулся Макс. – Но замуж мы тебя выдадим.

– Хорошо, хорошо, только можно не прямо сейчас? Мне ещё развестись нужно будет, между прочим. Так что можно мне тайм-аут?

– Ладно, уговорила. Но я же корыстный и циничный негодяй, – с этими словами Макс скорчил зверскую физиономию, – поэтому мне нужна твоя помощь.

– Какая? – я с удивлением посмотрела на него, плохо понимая, какую помощь могу оказать этому прохиндею. – Я, знаешь ли, ни в акциях, ни в биржевых процессах, ни медицинском оборудовании не разбираюсь от слова вообще.

– И не надо в них разбираться!

– А что надо? – хитрая физиономия Макса наводила на самые нерадостные и чрезвычайно подозрительные мысли.

– Сопровождать меня на презентацию нового оборудования для стоматологических клиник, – Макс небрежно махнул рукой, мол, фигня такая, даже говорить неловко. – Посидишь со мной, умные слова слушаешь, поулыбаешься, потом шампанского выпьешь, с интересными людьми познакомишься. Тебе же несложно?

– Не вопрос, конечно. А в этих твоих умных словах я что-нибудь пойму кроме предлогов и союзов?

– А зачем? – искренне удивился Макс. – Тебе же эту технику не покупать. А умное лицо делать ты умеешь, я видел. И потом, там будет сам Беляев!

– А кто это? – я действительно плохо ориентировалась в медицинском сообществе города, так, на уровне новостей. – Я должна его знать?

– Лер, вот тебе сейчас совсем не стыдно? – Макс смотрел на меня с таким искренним укором, что мне даже стало немного неловко от того, что я не знаю этого самого, видимо, всем нормальным людям известного Беляева. – Ну подумай. Беляев.

– И что? Кто он? – я судорожно стала перебирать всех более или менее известных деятелей нашего города. – Ну не знаю я его, дальше что? Думаю, ему от этого не жарко и не холодно. Как и мне, кстати.

– Деревня... – протянул Макс и осуждающе покачал головой. – Дмитрий Васильевич Беляев.

– И что дальше-то? Он кто? Владелец заводов, газет, пароходов?

– Лучше, Лерунчик, намного лучше, – Макс наклонился ко мне и голосом опытного заговорщика прошептал, – он владелец сети «Лайт-Мед». Знакомое название?

Я удивлённо хмыкнула и уточнила:

– Той самой? У которой годовой оборот больше, чем бюджет небольшого африканского государства?

Макс кивнул и довольно уточнил:

– Поэтому я и сказал, что «тот самый Беляев». Знаешь, люди его уровня обычно на такие мероприятия не очень охотно ходят, но тут, насколько я понимаю, вопрос в приобретении оборудования для клиники, которая принадлежит его жене. Ну, типа стремление слегка надавить авторитетом, может, цену сбить, может, просто она попросила. А может, он в губернаторы собирается, откуда я знаю. Или в президенты. Вот и выйдет пообщаться с народом. Я, если честно, не вникал. Так что ты и мне доброе дело сделаешь, и на живого Беляева полюбишься. Ну так как? Пропуск заказываю?

– Заказывай, – я кивнула, пытаюсь поймать за хвост ускользающую мысль, но она уже испарилась, – и, слушай, Макс, ты можешь мне помочь с работой? Мне же теперь надо как-то жить, понимаешь? А покупать газету с объявлениями или лопатить сайты с вакансиями я не готова, если от-

кровенно.

– А что ты хотела бы? – Макс заинтересованно повернулся ко мне. – Если вам нужны полезные знакомства, их есть у меня. По специальности?

– Нет, наверное.... нет. Скорее, что-нибудь из области управления несложного или администраторское. Как ты думаешь, это реально?

– Конечно, – друг активно закивал лохматой головой. – Сегодня сделаю несколько звонков и тебя вечером наберу. Хорошо?

– Спасибо, – я тепло улыбнулась Макс, – И что бы я без тебя делала?

– Как что? Пропала бы, – Макс махнул рукой, подзывая официанта. – Ладно, я побежал, а ты жди моего звонка и рассчитывай на пятничный сейшн. Форма одежды умеренно демократичная.

Оставшись в гордом одиночестве, я достала телефон и быстро набрала в поиске: Дмитрий Беляев. Нужно же как-то ликвидировать пробелы в образовании. Яндекс, подумав, выдал массу информации, но я открыла раздел с картинками. Дмитриев Беляевых было много, и мне пришлось уточнить, добавив в поиск «Лайт-Мед». Картинок стало значительно меньше, и большинство из них было посвящено мужчине лет сорока с хвостиком, который дежурно улыбался в камеру, демонстрируя безупречную белоснежную улыбку. На некоторых фото он был вместе с ослепительной блондин-

кой неопределённого возраста с кукольным лицом и холодными глазами акулы-людоеда. Пролистав несколько материалов, посвящённых самому Беляеву, его супруге и его бизнесу, я вышла из сети, допила кофе и решительно открыла список контактов.

– Арина, здравствуйте, это Валерия, – я, услышав голос своего мастера, улыбнулась, – а у вас случайно на завтра нет свободного местечка? Я бы хотела записаться.

Выяснив, что место есть, я договорилась насчёт посещения и с сознанием выполненного долга отправилась подбирать что-нибудь подходящее под критерий «умеренно демократичное».

Глава 2

Макс, будучи человеком обязательным, несмотря на природное разгильдяйство, отзвонился тем же вечером. Сообщил, что расскажет мне всё при встрече, но оснований для беспокойства нет – безработной меня однозначно не оставят. Но конкретно сейчас приятеля гораздо больше волновал мой предстоящий «выход в свет». Купленное мной платье, скромное, но стильное, он после долгого критического изучения фотографий всё-таки одобрил, велел потренироваться перед зеркалом делать умное лицо и, издав мефистофельский смешок, отключился.

На следующий день я ждала его при полном параде и чувствовала себя, скажем так, странно: мне совершенно не хотелось никуда идти – это во-первых, я не привыкла ходить

на подобные мероприятия без мужа – это во-вторых.

Макс подъехал вовремя, в очередной раз приятно удивив меня несвойственной ему пунктуальностью, и уже через полчаса я обзревала достаточно большой зал, как ни странно, достаточно плотно заполненный народом. Интересно, это у нас в городе такая массовая тяга к стоматологическому оборудованию или всем интересно посмотреть на живого господина Беяева, который Дмитрий Васильевич.

Макс, подхватив меня под руку, плавно перемещался по залу, знакомя с какими-то людьми, улыбаясь направо и налево и, наверное, намотал бы ещё кругов двадцать, если бы по залу лесным ветром не пронёсся невнятный шум, и все повернулись к дверям, стараясь делать это не слишком демонстративно. Я тоже расположилась возле широкой колонны, стараясь лишний раз не попадаться на глаза, ведь, в общем-то, я на этом празднике жизни человек абсолютно посторонний, у меня даже профессионального интереса нет.

Тем временем толпа раздвинулась в стороны, как льды перед носом атомного ледокола «Ленин», и по освободившемуся проходу прошествовал, другого слова у меня не было, именно прошествовал господин Беяев собственной персоной. Почему-то он был без супруги, но и его одного вполне хватало: такой давящей ауры я давно не видела, не ощущала. Беяев подавлял, перемалывал в муку где-то на ментальном уровне. Он внимательно слушал молодого человека, держащего в руках что-то типа планшета и иногда так бурно же-

стикулировавшего, что я стала опасаться за целостность наверняка ценного гаджета.

Беляев не смотрел по сторонам, наверное, мы все были для него настолько незначительны, что не стоили даже минуты царского внимания. Я поморщилась: терпеть таких снобов не могу. Но вряд ли, даже если бы господин Беляев чудом об этом и узнал бы, он стал бы хуже спать по ночам. Богатое воображение тут же нарисовало очередную картинку: Беляев в домашнем халате мечется по комнате, заламывая руки и умоляя неприступную меня изменить своё мнение.

Между тем народ сконцентрировался вокруг расставленных в несколько рядов полукругом удобных стульев, постепенно расселся и приготовился слушать представителя компании, презентующего выставленное зубоврачебное оборудование. Слайды презентации мелькали, люди тихонько переговаривались, шушукались, посмеивались, как это обычно и бывает на таких тусовках. Я тоже негромко переговаривалась с Максом, пока вдруг не заметила, что вокруг стало как-то подозрительно тихо. Оглянувшись, увидела господина Беляева, обзирающего внезапно ставшую очень внимательной аудиторию. Он помолчал, кивнул каким-то своим мыслям и начал говорить о ценностях плодотворного сотрудничества, перспективах развития и прочих не менее важных и скучных вещах. Я даже не пыталась вникать, пока слух не резануло слово «пятиста»: я сделала стойку, потому что почему-то очень болезненно отношусь к грамма-

тическим ошибкам выступающих, особенно если они вещают с высоких трибун. Прислушалась, внимательно глядя на надежду и опору нашей региональной экономики, и поняла, что не ошиблась. Беляев ещё несколько раз произнёс «более пятиста миллионов», потом «около трёхста тысяч пациентов». Болезненно скривилась, услышав очередное неправильно произнесённое числительное, и вдруг почувствовала чей-то давящий взгляд. Поозиравшись, с ужасом поняла, что прожигает меня недовольным взглядом не кто иной, как «тот самый Беляев». Нервно икнула и сделала вид, что мне очень, просто очень-очень интересно то, что он говорит, можно сказать, изобразила полное и безоговорочное внимание и почтение. И даже на фразе «к двух тысяча двадцать второму году» постаралась не застонать, а лишь покрепче стиснула зубы (если что, тут же и вылечат, вон, полно стоматологов кругом). На оратора старалась больше не смотреть, но ещё несколько раз почувствовала скользнувший тяжёлый взгляд. Максимум, естественно, ничего не сказала, чтобы лишний раз не нервировать.

К счастью, говорил Беляев не очень долго и, пожелав всем успехов в нелёгком стоматологическом бизнесе, покинул место выступающего. Хотела бы сказать «и растворился в толпе», но такие, как он, никогда и нигде не растворяются. К сожалению, наверное. Народ откровенно оживился и, поднявшись, перебазировался поближе к столикам с шампанским, неизбежным на подобной презентации. Я задумчиво вертела

в руках бокал, размышляя, как бы теперь потихоньку исчезнуть, так как свой товарищеский долг я выполнила и смысла оставаться здесь больше нет. Нужно было только предупредить Макса, и можно заказывать такси.

– И что же вам настолько не понравилось в моём выступлении? – так внезапно раздалось рядом, что я от неожиданности поперхнулась шампанским и закашлялась. – На вас было просто больно смотреть.

В низком и, увы, уже узнаваемом голосе было столько иронии и совершенно не скрываемого превосходства, что неудержимо тянуло съязвить в ответ, но я сдержалась и, поморщившись, проворчала:

– Блин, подкрадываться-то зачем? – и, уже повернувшись, вежливо проговорила, почтительно глядя на сами-знаете-кого. – Извините, пожалуйста, я не слышала, как вы подошли. Чрезвычайно польщена вашим вниманием, господин Беляев.

– Вы меня знаете? – Беляев слегка приподнял левую бровь. – Не припоминаю, чтобы мы были представлены.

– Неужели вы думаете, что для того, чтобы вас узнать, нужно быть вам представленной? – я искренне удивилась. – Вы персона медийная, можно сказать, вишенка на торте в сегодняшнем мероприятии.

– Вишенка? – он устало потёр переносицу. – Вот вишенкой меня ещё не называли. Но мне, пожалуй, нравится.

Народ, отхлынувший, оказывается, при явлении «того са-

мого Беляева» простым смертным, снова стал потихоньку кучковаться поблизости. Рядом нарисовался Макс, начавший очень аккуратно оттирать меня в сторону, подальше от высокого гостя.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – голос Беляева легко перекрыл начавшийся гул. – Почему вы так презрительно морщились во время моего выступления?

Вот прицепился. И что ему сказать – правду, что ли? Так я тогда вообще ни на какую работу в нашем городе не устраюсь, да и в других мегаполисах, боюсь, тоже. А ехать в глубинку, как народники в позапрошлом веке, как-то не тянуло. Я комфорт люблю, горячую воду, удобства не во дворе и дороги с асфальтом. Я не готова. Но, как говорится, пауза стала слишком затягиваться. Я глубоко вздохнула и ляпнула:

– Я скажу вам, если только вы пообещаете, что мне за это ничего не будет.

– Знаете, – Беляев задумчиво рассматривал меня, как интересную зверушку: с любопытством и лёгкой настороженностью, – когда вы так сказали, у меня возникло ощущение, что я руки о скатерть вытираю или даже сморкаюсь в занавеску. А потом ссылаю в Сибирь всех, кто этим недоволен.

– Хуже, – я уже не знала, как мне выпутаться из этого разговора, с каждой фразой становившегося всё более странным. Хоть бы Макс вмешался и спас меня. Почему вот когда он действительно нужен, он молчит?

– Даже так? – Беляев сложил руки на груди и начал пока-

чиваться с пятки на носок. – Это уже не просто интересно, это интригует, не находите?

Народ, собравшийся вокруг и старательно делающий вид, что происходящее никого не интересует и никто даже и не думает прислушиваться, замер в ожидании. Да уж, умею я оставаться незаметной, ничего не скажешь.

– А давайте отойдём в сторонку, и вы мне тихонько скажете, что такого ужасного я совершил, – вдруг неожиданно предложил Беляев и, подхватив меня под локоть, повёл в сторону окна. – Зато никто не услышит, и моя репутация не пострадает. Итак, я весь внимание.

– А мне точно ничего не будет? – въедливо уточнила я, понимая, что терять мне уже нечего.

– Точно. Потому что вам удалось то, на что уже давно никто, увы, не отваживается.

– Нахамить вам?

– Удивить меня, – вблизи он не казался таким уж «великим и ужасным», но обольщаться однозначно не стоило. – Итак?

– Вы неправильно склоняете числительные, – любезно сообщила я и подавила иррациональное желание втянуть голову в плечи.

– Я – что?! – в его голосе было столько искреннего изумления, что я рискнула поднять голову и увидела на его лице потрясающую смесь возмущения и какого-то весёлого удивления. – Простите, я что делаю?

– Вы неправильно склоняете числительные, – упрямо повторила я и сделала вид, кто не слышу, как где-то сзади возмущённо ахнул и прошипел что-то явно неодобрительное Макс. – Это... это непозволительно для человека... вашего уровня. Вот. И вы обещали, что мне ничего не будет.

Беляев наконец-то перестал меня рассматривать, огляделся и поманил кого-то рукой.

– Максим, здравствуйте, – он поздоровался с подошедшим Максом, который практически прибил меня взглядом и уже даже закопал в саду под яблоней. – Я заметил, что эта девушка сидела рядом с вами. Вы пришли вместе?

На секунду мелькнула мысль, что сейчас Макс отмажется и скажет, что видит меня впервые в жизни, но друг оказался парнем стойким и мужественно кивнул.

– Тогда, может быть, вы нас представите? – Беляев откровенно наслаждался ситуацией: моей растерянностью, удивлением Макса, напряжённым вниманием всех окружающих.

– Эээ... Конечно, – Макс быстро взял себя в руки и, указав на меня, произнёс. – Валерия Одинцова. – Потом, так же указав на сами-знаете-кого, добавил. – Дмитрий Васильевич Беляев.

– Очень приятно, – Беляев протянул мне руку, и моя ладошка утонула в его на удивление большой руке.

– А уж мне-то как приятно, Дмитрий Васильевич, – я натянуто улыбнулась, пытаясь осознать происходящее.

– Несмотря на числительные? – тут я поняла, что мой мир

уже никогда не будет прежним, потому что Беляев мне... подмигнул. – И, пожалуйста, Валерия, в неформальной обстановке – Дмитрий. Просто Дмитрий.

Ну да, «царь, просто царь». Рядом кто-то икнул, и, кажется, это был Макс. При этом Беляев почему-то продолжал держать меня за руку, пока я осторожно не высвободила несчастную конечность.

– И чем вы занимаетесь, Валерия? Посмею предположить, что вы филолог? Или журналист? Хотя, если бы вы были журналистом, я бы знал.

– Вы знаете всех журналистов? – я чувствовала себя крайне неловко, так как пристальное внимание окружающих начинало откровенно нервировать, как и сам Беляев, который «просто Дмитрий»... У него что, дел важных нет, что ли, я не понимаю.

– Не всех, конечно, все мне без надобности, но вас определённо запомнил бы. И не игнорируйте мой вопрос, пожалуйста, Валерия.

– Прошу вас, в неформальной обстановке – Лера. Просто Лера, – я понимала, что откровенно нарываюсь, но остановиться уже не могла.

– Лера...Лера... – он повторил моё имя, словно перекачивая его на языке. – Хорошо, таинственная Валерия. Раз вы так упорно не хотите раскрывать своё инкогнито, я не настаиваю.

И добавил, наклонившись ко мне неприлично близко:

– «Лера» я приберегу для... неформального общения. Вы же должны объяснить мне ... правила склонения числительных. Поэтому я прощаюсь, но надеюсь на новую встречу, столь же незабываемую.

С этими словами он коротко кивнул Максу и, сграбастав снова мою многострадальную руку, прикоснулся к ней мимолётным поцелуем. Затем попрощался с народом и удалился, сопровождаемый всё тем же юношей с планшетом, а я осталась стоять в полной прострации, беспомощно глядя на Макса. Не успела я открыть рот для покаянной речи, как в зал вернулся беляевский сопровождающий и, найдя меня глазами, бодро потрусил в мою сторону. Со словами «Дмитрий Васильевич просил вам передать» он протянул мне небольшой картонный прямоугольничек, который я взяла осторожно, словно ядовитую змею. На визитке не было ни фамилии, ни имени, а только номер телефона, мол, тот, у кого такая визитка есть, прекрасно знает, чья она.

Макс поперхнулся заготовленной гневной фразой и тоже усталился на кусочек бумаги.

– Ну, мать, ты даёшь, – выдал он через несколько секунд. – Ты понимаешь, что держишь в руках?

Я молча помотала головой, отказываясь воспринимать окружающую действительность адекватно.

– Это, моя непредсказуемая подруга, твой пропуск на следующий уровень игры. Личный номер Беляева известен очень узкому кругу приближённых к нему людей, для

остальных есть другие номера, а в основном всё общение ведётся через секретаря или личного помощника. Это ... ну, примерно, как получить во временное пользование золотую рыбку, и я очень надеюсь, что ты от этого фееричного знакомства сумеешь получить максимум пользы. Ну, Лерка, ну ты выдала, – он покосился на меня с каким-то непонятным выражением лица.

– А может, это не оно? В смысле, не его личный номер, а? – я с надеждой посмотрела на Макса, но тот отрицательно покачал головой. – Ты-то откуда знаешь? Ты специалист по беляевским номерам телефонов?

– Да, я в своё время за этот номер много бы отдал, – Макс снова неверяще посмотрел на злополучную визитку. – А тебе вот так ... просто. Даже как-то обидно...

– Максик, зайка, а давай ты больше меня никуда и никогда брать не будешь, а? – я посмотрела на друга глазками кота из «Шрека». – И будем мы жить тихо, мирно и спокойно. Я ведь маленькая и скромная, тихая и незаметная.

– Это ты тихая и незаметная? – Макс аж подавился заготовленными словами. – Да ты ходячая катастрофа. Ну чего ты полезла со своими комментариями? Ну склоняет он эти твои числительные неправильно, да и хрен-то с ними, кому от этого плохо? Лер, ну вот чего тебе на попе ровно не сиделось, а? Переживай теперь за тебя...

– Почему за меня надо теперь переживать? – напряглась я. – Мы ведь вроде мирно расстались, он не в претензиях.

А что, у меня могут быть проблемы, да? Он злопамятный? Ой, неееет...

Макс подхватил меня под локоть и развернул к уже начинающей потихоньку расходиться публике.

– Посмотри на этих людей. Сколько их? Так вот, личный номер Беляева есть из присутствующих человек у пяти, примерно столько же могут называть его просто по имени. Смекаешь? Но, Лер, где они, а где, уж прости меня, ты?

– Но почему? Я же ничего такого не сделала. Чего он прицепился? – я чувствовала, как медленно, но верно впадаю в состояние тихой паники. – Я ведь не могла ему просто понравиться, верно? У него очередь из фотомоделей всяких небось.

– Я тебя умоляю! «Не был, не был, не был, не был, даже рядом не стоял!» Беляев у нас уникален: ни разу не был замечен ни с одной девицей не то что лёгкого, но даже слегка облегчённого поведения, представляешь? Шифруется он профессионально.

– А может, он из... этих? – я перешла на еле слышный шёпот, а то, не дай Бог, услышат, и неожиданно для самой себя заметила. – Хотя было бы обидно. Мужик он интересный. Не Брэд Питт, конечно, и не Даниил Страхов, но очень и очень... харизматичный.

– Так, – Макс резко посерьёзnel. – Лера, я тебя умоляю: никаких увлечений людьми типа Беляева. От слов никогда и ни за что. Договорились?!

– Да я и не собиралась, чего ты суетишься. Он и не вспомнит обо мне, так что не вижу повода для беспокойства. И вообще, давай пойдём уже, смотри, народ активно расходится.

Мы с Максом уже садились в такси, когда в моём кармане завибрировал телефон, и я чуть не уронила его, увидев короткое сообщение: «Красивое имя – Лера». Номер отправителя был мне неизвестен, и я дрожащей рукой полезла в сумочку за злополучной визиткой. Вытащила. Сравнила. Выругалась.

– И что мне с этим делать? – я посмотрела на друга в надежде, что он сейчас быстро и незатейливо решит все проблемы и ответит на все вопросы.

– Откуда я знаю? Я тебе что – Гугл? Ну, напиши что-нибудь. Или лучше ничего не пиши. – Макс откровенно нервничал. – Или напиши, что Дмитрий – тоже красивое имя. Не знаю, Лера.

– Я напишу... – я не успела договорить, как Макс схватил меня за руку и, безумно поблёскивая очками, прошептал. – А давай мы тебя за Беляева замуж отдадим, а? Он явно в тебе что-то такое разглядел.

– Макс, ты больной? – я выдернула у этого маньяка руку (и чего за неё все, кому не лень, сегодня хватаются). – Начнём с того, что твой Беляев женат, на минуточку так. К тому же ты обещал отдать меня замуж за нормального чувака, а он, как мне кажется, не очень вписывается в этот образ. Так что забудь.

– Какая ты скучная, – Макс недовольно нахмурился. – Та-кую идею не оценила. А было бы прикольно...

– Кому? Кому было бы прикольно? Мне?! Сомневаюсь... Про Беляева вообще молчу, он твою идею точно не оценил бы. А про его супругу я даже заикаться не буду. Ты её видел? Барракуда... Сожрёт и даже не заметит. Так что, дорогой, давай кандидата в мои потенциальные мужья поищем в другой песочнице.

Макс довёз меня до дома, по-джентльменски отказался от чашки кофе, и я наконец-то осталась одна

Облегчённо вздохнула и с удивлением поняла, что совершенно не страдаю от отсутствия Антона, а ведь совсем недавно перспектива оказаться одной казалась мне пугающей. Теперь же я с наслаждением сбросила туфли на высоком каблуке и босиком прошлёпала на кухню. Достала банку с молотым кофе, старенькую турку, которую терпеть не мог мой муж, считавший, что такому старью место если не на помойке, то где-нибудь на верхней полке, насыпала кофе, залила водой и поставила на маленький огонь. Подумала и полезла в шкаф в надежде, что там завалилась какая-нибудь печенка. Увы, печенок не оказалось, зато в холодильнике нашёлся сыр, что немного примирило меня с действительностью. Но стоило мне налить в чашку кофе и примериться к аппетитному кусочку сыра, как раздался телефонный звонок. Не обратив внимания на цифры, поняв только, что номер не из списка контактов, я ответила:

– Да, слушаю вас...

– Лера, ещё раз здравствуйте, это... Дмитрий, – я отодвинула трубку от уха и внимательно посмотрела на неё, подозревая в неведомых мне до сих пор мистических талантах, ибо низкий голос Беляева ну вот никак не мог раздаться в моём телефоне.

– Ээээ... Здравствуйте, Дмитрий Васильевич, – пролепетала я, пытаюсь понять, что вообще происходит. – А откуда у вас мой номер?

– Поверьте, это было совсем не сложно, всё же вы не секретный агент, – в голосе Беляева слышалась откровенная ирония. – И потом, пожалуйста, просто Дмитрий, ведь наше общение сейчас вполне можно назвать неформальным, как вы считаете, Лера?

– Можно, да, конечно, – я по-прежнему тормозила, даже не представляя, как реагировать на подобный звонок. – Вы всё-таки решили сослать меня в Сибирь за наглость?

– Неужели я похож на такого злодея, который может отправить в ссылку красивую женщину?

С трудом поборов желание ответить утвердительно, я постаралась добавить в голос жизнерадостности:

– Ну что вы, совершенно непохожи!

– Звучит неубедительно, но сделаем вид, что я поверил, – хмыкнул Беляев. – Но я звоню вот с каким вопросом....

– С каким? – прервала я повисшую паузу.

– Если «пятиста» неправильно, то как правильно-то?

– Правильно «пятисот». Но... Вы действительно звоните мне, чтобы это узнать?! Не иначе мир сошёл с ума...

– Почему? – в голосе Беляева послышался искренний интерес. – Что такого экстраординарного произошло?

– А вы не понимаете?

– Нет, объясните мне... Лера...

– Вы звоните мне, чтобы узнать правильную форму слова. Вы. Мне. Вас ничего не смущает?

– Меня – нет. А вас?

– А меня смущает абсолютно всё, – почему-то по телефону разговаривать оказалось гораздо проще, чем глаза в глаза. – Кто вы, и кто я.

– А кто я, по-вашему? – Беляев, по непонятной пока причине, продолжал разговор как ни в чём не бывало. – Мне очень интересно ваше мнение.

– Вам правду? – в конце концов, что мне терять, кроме запасных цепей, хотя это я, конечно, погорячилась: терять всегда есть что.

– Разумеется, неправду я и в интернете почитаю.

– Вы крупный бизнесмен, человек серьёзный, деловой, – тут я помолчала и как с крыши прыгнула. – Помимо этого вы красивый мужчина с невероятной харизмой, как мне кажется, избалованный женским вниманием и потому циничный и жестокий в чём-то. Простите, если обидела, но вы сами напросились.

Беляев молчал, и я всерьёз начала опасаться, что в этот

раз однозначно вляпалась со своим неумением вовремя прикусить язык.

– Ну что? Сибирь, да? – через несколько секунд, показавшихся вечностью, проговорила я и вздохнула. – А там ведь ещё холоднее, чем здесь. А я так холод не люблю....

– Вы меня таким видите? – таки соизволил ответить Беляев. – Несомненно, отчасти вы правы, но лишь отчасти. И мне хотелось бы, чтобы вы убедились, что не совсем объективны, Лера.

– Не надо, – тут же открестилась я от такой сомнительной перспективы, – я вам на слово верю.

– А что вы делали, когда я позвонил? – вдруг спросил Беляев, и я зависла, не успевая следить за прихотливыми скачками его логики. – Мне просто интересно.

– Собиралась пить кофе, – честно сообщила я, – хотела с печеньками, но они кончились. Пришлось с сыром. Но он уже остыл, пока я с вами разговариваю. Кофе остыл, не сыр.

– То есть из-за меня вы остались без кофе? Это неправильно, – Беляев помолчал и бодро сообщил, – Тогда я просто обязан искупить свою вину. Поэтому я приглашаю вас завтра на чашку кофе. Отказ не принимается. Вы в первой половине дня свободны?

– Кажется, да, – я настолько растерялась, что даже соврать не сообразила.

– Тогда утром я вам позвоню, и мы договоримся о встрече за чашкой кофе.

– Хорошо, – только и смогла проговорить обалдевшая я.

– В таком случае, до завтра, ... Лера, – мурлыкнул в трубку Беляев.

– До завтра, – ошарашенно ответила я и добавила, уже услышав в трубке гудки, – Дмитрий....

Неожиданная трель домофона раздалась именно в тот момент, когда я, сварив новую порцию кофе, переливала её в чашку и собиралась сделать первый глоток, который, как известно, самый вкусный. А после такого, мягко говоря, неоднозначного дня – так вообще. Отпрыгнув от стола, на котором теперь, исходя вкусным паром, разливалось ароматное кофейное озеро, я зашипела от злости и, подойдя к двери, рывкнула в трубку:

– Ну кто там ещё?

– Доставка, – неуверенно произнес молодой мужской голос. – Для Валерии Одинцовой...

– Доставка... чего? – я судорожно пыталась вспомнить, не заказала ли в помрачении сознания какой-нибудь еды, но память однозначно говорила «нет».

– Кофе, – уже чуть смелее сообщил домофон. – Откройте, пожалуйста, а то очень холодно и руки мёрзнут.

Я, не поверив ни единому слову, обречённо нажала кнопку, а воображение услужливо нарисовало врывающихся в дом полицейских или вообще людей в штатском, которые, недолго думая, арестовывают меня и отправляют на исправительные работы. Чтоб неповадно, так сказать, было серьёз-

ным людям на промахи указывать. Нашлась, блин, грамотная самая....Раздался звук открывающегося лифта, и затем в дверь позвонили. Но на пороге вместо придуманных мной злодеев обнаружился совершенно замёрзший молодой человек лет восемнадцати в обнимку со здоровенной коробкой.

– Распишитесь, пожалуйста, – он протянул мне бланк, и я, с трудом пристроив коробку на вешалке, чиркнула где-то внизу.

– А что там? – спросила я парнишку. – Ведь не может же быть полная коробка кофе, правда?

– Не знаю, я только курьер, но пахнет офигенно, – он подмигнул мне и, попрощавшись, бегом поскакал вниз по лестнице.

Осторожно внеся на кухню коробку, оказавшуюся действительно довольно увесистой, я села на край кухонного диванчика и задумалась. Судя по тому, что коробку украшал логотип самой модной последние пару лет кондитерской, кто-то, не будем показывать на него пальцем, решил, что можно не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Отбросив дурацкую мысль о том, что в коробке может оказаться что-то опасное, я аккуратно развязала ленточку и сняла крышку. Сверху на папиросной бумаге лежала карточка с надписью, сделанной размашистым уверенным почерком: «Красивые девушки не должны оставаться без печенек». А под бумагой... Ну, что я могу сказать.... У господи-

на Беляева оказалось весьма специфическое понимание того, что значит «печенька».

Глава 3

Вчерашняя метель стихла, оставив на память о себе шапки снега на крышах припаркованных машин и огромные сугробы, которые безуспешно пытался раскидать по сторонам отчаянно матерящийся дворник в меховых рукавицах и ярко-оранжевой жилетке. Где-то за пределами двора гроыхала и завывала снегоуборочная техника, но меня всё это совершенно не беспокоило, так как под тёплым одеялком, в которое я закуталась, было уютно и сонно. Именно так нужно проводить морозное зимнее утро, если тебе, конечно, не нужно вставать и бежать на работу. Мне торопиться было абсолютно некуда, и поэтому я решила по полной использовать возможность предаться сладостному безделью. И так мне было хорошо! Ровно до того момента, как лежащий на тумбочке телефон не издал противное жужжание. Был, конечно, соблазн не брать трубку, а забраться в тёплые объятия одеялка и зависнуть там еще на часик. Но мысль о том, что это может быть Макс с сообщением о всё же необходимой мне работе заставила протянуть руку, взять телефон и посмотреть на дисплей. Номер был незнакомый, а я с некоторых, совсем недавних пор, со вчерашнего дня практически, с огромным недоверием стала относиться к неизвестным комбинациям цифр на дисплее.

Тем временем телефон перестал вздрагивать, но, не успе-

ла я облегчённо перевести дух, как булькнула смс-ка.

«Валерия Андреевна, возьмите, пожалуйста, трубку. Благодарю Вас. Анатолий»

Как говорится, без комментариев. И всего несколько маленьких вопросов. Во-первых, кто такой Анатолий? Даже несмотря на абсолютно сюрреалистичное завершение вчерашнего дня, я могла точно сказать, что никакого Анатолия, у которого мог бы оказаться мой номер телефона, вчера не было. У меня, конечно, бывают проблемы с памятью, но не настолько же. Во-вторых, что этому загадочному Анатолию может быть от меня нужно в половине десятого утра? Единственный вариант, который хоть как-то укладывался в логические рамки, это то, что Макс нашёл мне работу и дал потенциальному работодателю мой номер. Но это не очень похоже на Макса, который всегда с достаточным уважением относился к личному пространству других людей. А может быть... Додумать мне не дал вновь оживившийся телефон. Осторожно, словно опасаясь, что оттуда выпрыгнет неведомый Анатолий, я взяла трубку.

– Слушаю вас... – очень хотелось верить, что мой голос прозвучал не так жалобно, как мне показалось.

– Валерия Андреевна? Доброе утро. Надеюсь, я не слишком рано и не побеспокоил вас? – у неизвестного мужчины был приятный бархатный голос профессионального диктора. Или психиатра. Но первый вариант всё же предпочтительней.

– Доброе утро. Нет, что вы, всё в порядке... – я задумалась было, как бы поделикатнее выяснить, кто же мне всё-таки звонит, но собеседник оказался сообразительным и сам прояснил ситуацию.

– Меня зовут Анатолий, и я личный помощник Дмитрия Васильевича.

Ну да, ну да, конечно, как я сама не сообразила. Нет, если я скажу, что совсем не думала о приглашении Беляева на чашку кофе, это будет неправдой, такое из головы выбросить просто невозможно. Но, доедая третье неприлично вкусное пирожное из вчерашней коробки, я практически сумела убедить себя в том, что это была минутная прихоть великого и ужасного Дмитрия Васильевича и что никакой встречи за кофе у нас не будет. Просто потому что этого не может быть никогда. Усталый мозг радостно принял такую версию, и я абсолютно успокоилась. И, как оказалось, напрасно.

– Очень приятно, Анатолий, – максимально вежливо произнесла я.

– И мне очень приятно, – мне показалось, что невидимый собеседник улыбнулся. – Я звоню, чтобы договориться о вашей встрече с Дмитрием Васильевичем. Он сказал, что у вас была предварительная договорённость.

– Ну, как сказать, – мне самой было противно слушать собственные невнятные ответы, и я постаралась взять себя в руки, насколько это возможно. – Дмитрий Васильевич вчера пригласил меня на чашку кофе в первой половине дня, но,

я думаю, это совершенно не обязательно, у него ведь дел на-
верняка много....

– Не в правилах Дмитрия Васильевича отменять назна-
ченные встречи, – строго сказал мой собеседник и чем-то
зашуршал. – Он планировал позвонить вам лично, но заты-
нувшееся селекторное совещание не позволило ему это сде-
лать. Поэтому он поручил эту миссию мне. Скажите, пожа-
луйста, Валерия Андреевна, вам удобно будет встретиться с
Дмитрием Васильевичем в лобби-баре отеля «Амбассадор»,
допустим, в двенадцать часов?

– А почему именно там? – я как-то невольно уже настрои-
лась на какое-нибудь кафе, пусть даже достаточно пафосное,
но отель....странно как-то.

– У Дмитрия Васильевича там конференция в тринадцать
часов, но вы не переживайте, он отдал распоряжение при-
слать за вами машину.

– У вас что, и адрес мой есть, не только телефон? – я так
растерялась, что даже на возмущение сил не хватило. – Но
зачем? И откуда?

– Разумеется, есть, вы же получили вчера вечером пре-
зент, – теперь в голосе Анатолия улыбка слышалась очень от-
чётливо. – Не переживайте вы так, право, Валерия Андреев-
на, дорогая, Дмитрий Васильевич всегда чрезвычайно вни-
мателен к своим партнёрам и друзьям. Вы скоро привыкнете.

Больше всего мне хотелось потрясти головой и проснуться.
Потому что ничем иным, кроме как сном всё происходя-

щее быть просто не могло.

– Ну так как, вы сможете? – бархатный голос беляевского личного помощника вернул меня к действительности. – Я могу сообщить Дмитрию Васильевичу, что мы договорились?

– Да, конечно, – осознание неизбежности встречи стало всё отчётливее и практически поглотило все остальные чувства. – Только не нужно присылать машину, хорошо? Я прекрасно доберусь на такси.

– Как вам будет угодно, Валерия Андреевна, как вам будет угодно. На этом позвольте попрощаться, хоть и ненадолго. Я найду вас в холле отеля. До встречи.

– До встречи, – почти механически ответила я и нажала кнопку завершения вызова, пока Анатолий не сказал чего-нибудь, чего моя хрупкая психика может уже не вынести.

Потом, по-прежнему не вылезая из-под одеяла, я трясущимися руками набрала Макса и, не успев он снять трубку, сообщила:

– Это ты во всём виноват! Это всё из-за тебя! Если бы не ты, моя жизнь была бы по-прежнему замечательно спокойной!

– Лер, ты чего? – от такого стремительного наезда Макс явно растерялся. – В чём я виноват-то? Ты можешь нормально разговаривать?

– Не могу! У меня вся жизнь из-за тебя наперекосяк... И вообще....

– Так, давай успокойся и излагай по порядку, хорошо? Что у тебя случилось? Муж вернулся?

– Нет, слава богу... У меня случился Беляев Дмитрий Васильевич, который просто Дмитрий, чтоб его....

– Да ладно, чего ты, всё же нормально закончилось... – Макс заметно успокоился, и я сообразила, что он ещё не в курсе последних новостей.

– Да что ты говоришь! А ничего, что он вчера мне позвонил, не успела я домой прийти?

– Да ладно! Гонишь.... Фигли ему тебе звонить? Слушай, а может, он увидел тебя и понял, что ты любовь всей его жизни!

– Дурак! Даже в шутку такого не говори – накаркаешь... – я неторопливо выбралась из-под одеяла и побрела на кухню. – И вообще, он мне пирожных прислал... Представляешь?

– В смысле?

– В прямом... Целую коробку пирожных из «Счастья»... Десять штук... И кофе...

– Зачем?

– Затем что у меня кончились печеньки....

– Неловко спрашивать.... но... откуда Беляев узнал, что у тебя кончились печеньки?

– Я ему сказала, когда он позвонил. Он спросил, что я делала, ну я и ответила, что пила кофе с сыром, потому что у меня закончились печеньки. А он сказал, что это неправильно-

но и прислал мне коробку пирожных... Вот....

– Охренеть... – Макс явно не знал, что сказать в ответ на такие неоднозначные новости. – И как? Вкусные?

– Очень...я три штуки съела вчера.. и сейчас два съем... И пусть мне будет хуже... А ещё мне звонил Анатолий...

– А ... Лер, а Анатолий у нас кто? – любопытство в голосе Макса можно было есть ложками, так его было много.

– Это личный помощник нашего непредсказуемого господина Беляева. Ты его не знаешь?

– Нет, не доводилось. А зачем он звонил?

– Уточнял, смогу ли я встретиться с Дмитрием Васильевичем за чашкой кофе. Сегодня.

– Обалдеть....Мать, у меня нет слов... Ты идёшь на встречу с Беляевым? Кофе попить? Если матом нельзя, то у меня действительно нет слов....И куда вы идёте?

– Отель «Амбассадор», лобби-бар... Макс, что вообще происходит? Почему я? И вообще...мене даже пойти не в чем, я не знаю, в чём ходят на такие встречи....

– «Амбассадор»... Стильное место... А в чём идти...Лер, ну я не знаю, тебе виднее. Надень что-нибудь в меру деловое, в меру женственное. Ну и бельё... Естественно...

– Макс, какое бельё? Ты в своём уме? Мы кофе пить будем, только кофе...

– Ну конечно, конечно! Но на всякий случай я бы на твоём месте подстраховался. Мало ли что, мало ли как, мало ли с кем...Знаешь, как в рекламе: «Сеалекс! А что? А вдруг?»»

– Никаких вдруг! И вообще, у него в час уже какая-то конференция. Так что твои инсинуации не по адресу. И вообще, я пошла собираться.

– Лерунчик, пообещай, что я буду первым, кому ты расскажешь об этой встрече.

– Если будешь себя хорошо вести. А вообще, если честно, Макс, я боюсь... Мне всё это ужасно не нравится.

– Не переживай, всё будет нормально. Вы встречаетесь в людном месте в дневное время, да и Беляев – не глава преступного мира. Наверное...

– Не пугай меня ещё больше, я и так боюсь. Ладно, буду собираться.... – с этими словами я отключилась и пошла варить утренний кофе, есть пирожные и размышлять над внешним видом.

«Амбассадор» встретил меня сиянием мраморных полов, сверкающими в свете хрустальных люстр бежевыми, тоже, разумеется, мраморными, колоннами, едва уловимым запахом кожи и ароматом кофе. Как ни странно, холл оказался местом достаточно оживлённым: вверх и вниз по лестнице сновали люди, в которых по коричневым, бордовым и тёмно-зелёным жилеткам можно было узнать обслуживающий персонал. Впрочем, и остальной публики было более чем достаточно. «Перед кризисом все равны, но некоторые, однозначно, равнее...» – успела подумать я, прежде чем увидела направляющегося ко мне мужчину, который улыбался мне,

как лучшей подруге.

– Валерия Андреевна? – этот бархатный голос невозможно было не узнать. – Как вы добрались? Благополучно? Позвольте представиться, Анатолий Казанцев, личный помощник Дмитрия Васильевича.

– Валерия, – мне ничего не оставалось, кроме как позвать протянутую руку. Почему-то мне казалось, что красивый бархатный голос, который я слышала утром, должен принадлежать зрелому солидному мужчине, обязательно с вызывающей доверие внешностью преуспевающего адвоката и непременно в дорогом костюме. Анатолий же вблизи оказался симпатичным молодым человеком максимум лет тридцати, в джинсах и белом джемпере крупной вязки. Очередной разрыв шаблона...

– Очень приятно, – он одарил меня обаятельной белозубой улыбкой и сделал приглашающий жест в сторону широкой лестницы. – Позвольте вашу шубку. Момент...

Он подхватил мою короткую шубу, куда-то исчез, но буквально через несколько секунд материализовался снова, и я успела заметить, как он, одним взглядом скользнув по мне, оценил и свитер из тонкого английского кашемира, и сережки с небольшими изумрудами, и стильную обувь. Его взгляд на мгновение задержался на достаточно широком обручальном кольце, которое я по привычке всё ещё носила.

– Простите мне мой, может быть, излишне свободный внешний вид, – он виновато улыбнулся, продемонстрировав

очаровательные ямочки на щеках, подхватил меня под локоть, и мы неспешно двинулись куда-то в по-купечески роскошные глубины отеля, – но сегодня не планируется никаких серьёзных мероприятий, требующих моего присутствия, и я позволил себе отсутствие делового костюма. Дмитрий Васильевич достаточно демократичен в этих вопросах. Когда вы поработаете с ним хотя бы месяц, вы это оцените, поверьте!

– Когда я что, простите, сделаю? – наверное, если бы Анатолий не поддерживал меня под руку, я бы споткнулась на абсолютно ровном месте. – В смысле – «поработаю»? Я... я не планирую работать с Дмитрием Васильевичем. Вы меня с кем-то путаете, наверное!

– Ну как же... – Анатолий слегка растерялся. – Вы же новый спичрайтер Дмитрия Васильевича. Во всяком случае, именно так он мне сказал, когда утром просил договориться с вами о встрече. Правда, обмолвился, что вы ещё не дали своего окончательного согласия, но это – вопрос времени.

– Ну, то, что я не дала окончательного согласия – это вы очень деликатно выразились, – я старательно пыталась переварить такую, не побоюсь этого слова, сногсшибательную новость. – А Дмитрий Васильевич случайно не обмолвился, с чего вдруг такое...внезапное предложение?

– Нет, – Анатолий покачал головой, – он только велел мне лично подготовить для вас рабочее место, а юридическому отделу – составить договор. Да вы у него сами сможете всё уточнить, мы уже пришли.

С этими словами Анатолий по-джентльменски пропустил меня вперёд, и я оказалась в очень стильном и очень дорогом помещении, по всей видимости, в том самом лобби-баре. Количество позолоты, мрамора и красного дерева зашкаливало, давило на психику и заставляло чувствовать себя не слишком уютно. За немногочисленными столиками почти никого не было. Ключевое слово – почти. Ибо за одним из них обнаружился мирно сидящий и листающий какие-то бумаги господин Беляев собственной персоной. Увидев нас, он отложил изучаемые документы и окинул меня долгим внимательным взглядом, просканировав от макушки до подошв модных сапожек на шпильке. (Ну да, не по сезону, но я же не пешком, и потом... а покрасоваться?! Я женщина или где?) От этого взгляда мне, признаться, стало немного не по себе. Очень уж он был... мужским, но при этом абсолютно в рамках приличия. Даже вот не знаю, как объяснить: вроде бы и не раздел глазами, но кожа покрылась мурашками, щекам стало жарко, а ладошки слегка вспотели.

И Макс будет мне рассказывать, что мужчина, умеющий так смотреть на едва знакомых женщин, – примерный семьянин и ни разу не был замечен в порочащих, так сказать, связях?! Я, конечно, не Станиславский, но очень хочется закричать «Не верю!». Ну не может он быть правильным и примерным, никак не может! Такому, как он, стоит пальцем поманить, и к нему очередь выстроится. И борьба за место если уж не в беляевском сердце, то хотя бы в его постели, бу-

дет нешуточная. При этом я прекрасно понимала, что женщины моего социального статуса и моей внешности в этом чемпионате отпадают еще в четверть финале, а то и в одной шестнадцатой. Впрочем, переживать по этому поводу я совершенно не собиралась, так как Дмитрий Васильевич мне, как говорили в старом мультике, «и даром не нать, и с деньгами не нать!»

– Валерия, вы прекрасно выглядите, – Беляев встал нам навстречу и даже улыбался почти искренне. – Впрочем, я предполагаю, что так вы выглядите всегда. Но у меня ещё будет возможность в этом убедиться...

Произнося этот вежливые и абсолютно ни к чему не обязывающие слова, он лично отодвинул мне стул и жестом пригласил присаживаться, что я и сделала, снова, как всегда в его присутствии, поёживаясь от ощущения исходящей от него силы.

– Благодарю вас, Дмитрий Васильевич, и за комплимент, и за приглашение, – я постаралась тоже соблюсти все каноны вежливости и не ударить в грязь лицом. – Но вот вопрос с возможностью убедиться хотелось бы прояснить. Видимо, какие-то события прошли мимо моего внимания. Не откажетесь меня просветить?

– Из ваших слов я могу сделать вывод, что Анатолий уже сообщил вам о моём предложении, – Беляев кивнул каким-то своим мыслям. – И что вы скажете?

Рядом бесшумно возник официант и ловким движением

профессионального фокусника положил передо мной меню в тяжёлой кожаной папке. Я раскрыла её и чуть не поперхнулась воздухом, увидев цены. А с другой стороны, разве это мои проблемы? Выбрав кофе и десерт с каким-то труднопроизносимым названием и мимоходом удивившись тихому исчезновению Анатолия, я снова вернулась к разговору.

– Да, он сказал, что я как бы ваш новый спичрайтер. Но, знаете, Дмитрий Васильевич, было как-то странно узнать о таких глобальных изменениях в собственной карьере от незнакомого человека.

– Неужели вы предполагали, что я лично беседую с каждым потенциальным сотрудником? – в негромком низком голосе Беляева было столько искреннего недоумения, что я почувствовала себя зарвавшейся нахалкой, которая почему-то решила, что находится на особом положении. С какой стати-то? Только потому, что «сам-знаете-кто» в силу минутного каприза прислал коробку с пирожными? Или комплимент сказал? Господи, стыдно-то как!

– Ну что вы, разумеется, я так не думаю, вы человек очень занятой, у вас на это просто не хватило бы времени, даже если бы вдруг возникло такое странное желание, – я постаралась говорить спокойно. Главное – не показать, насколько мне стыдно. Не здесь, не перед этим человеком. Не перед этим ...мужчиной. Наверное, будь Беляев не так неприлично харизматичен, я бы воспринимала всё гораздо спокойнее, но его аура альфа-самца давила и не позволяла забыть о том,

что передо мной не просто потенциальный работодатель, а красивый и магнетически привлекательный мужчина.

– Но в вашем случае я изменил своим принципам ... Ле-
ра, – Беляев смотрел на меня внимательно и оценивающе. –
Я могу по-прежнему так к вам обращаться? У нас ведь со-
вершенно неформальная встреча, правда? Так вот... Я дей-
ствительно хочу предложить вам работу. Даже, если быть от-
кровенным, две работы.

– Две? – я уставилась на него во все глаза.

– Две, – он кивнул. – Я ведь правильно понимаю, что в
данный конкретный момент у вас нет иных обязательств по
трудовым договорам? И в общем-то ничто не мешает вам
принять моё предложение? Я прав?

– Это вы сейчас так красиво сказали, что я безработная? –
мне стало как-то спокойнее, а может, я просто попривыкла
к его присутствию. – И заметьте, я даже уже не спрашиваю,
откуда у вас такая информация обо мне. Всё равно ведь не
скажете, верно?

– Верно, не скажу, – он слегка улыбнулся. – Так что вы
мне ответите? Как вам перспектива карьеры в качестве мое-
го личного спичрайтера? С вашим-то умением склонять чис-
лительные...

– Я ведь не должна дать ответ прямо сейчас? Мне же нуж-
но будет понять круг своих обязанностей, прикинуть, справ-
люсь ли я, ну и прочее. И скажите, а что за вторая работа?
Что-нибудь с документацией?

– Нет... Лера... – Беляев внимательно посмотрел на меня. – Это не совсем работа с документами. Вернее, работа совсем не с документами. Точнее, вообще не с документами, и даже как бы не очень работа. Я предлагаю вам стать моей официальной любовницей.

Глава 4

В первую секунду мне показалось, что я ослышалась. Даже не то что показалось, я в этом была полностью уверена. Даже хихикнула про себя: затейливый у меня глюк, прямо «оговорочка по Фрейду». Но, посмотрев на Беляева и правильно оценив его внимательный и совершенно не смеющийся взгляд, я поняла, что он абсолютно серьёзен.

Официант принёс чашки с кофе и десерт, и, пока он виртуозно расставлял всё это на столе, мы настороженно смотрели друг на друга, словно игроки, ожидающие первой подачи соперника. Тем временем юноша пожелал нам приятно провести время (вот как-то сомневаюсь уже) и бесшумно исчез. Беляев всё так же молча, видимо, давая мне время на осознание своего предложения, взял чашку и сделал небольшой глоток. Я к своей не притронулась, так как прекрасно понимала, что всё равно не смогу сделать ни глоточка, только расплескаю дорогуший напиток. Беляев откинулся на спинку кресла и слегка приподнял левую бровь, давая понять, что пора бы уже и ответить хоть что-то.

– Хорошая шутка, – осторожно произнесла я, глядя на него через стол. – Отдаю должное вашему своеобразному

чувству юмора, Дмитрий Васильевич!

– Да, неплохая, – он согласно кивнул. – Особенно если учесть, что это не шутка, а вполне серьёзное деловое предложение, от которого я бы не советовал вам отказываться, не обдумав его как следует и не взвесив все «за» и «против».

– Согласитесь, это достаточно... – я слегка замялась, подбирая правильное слово, – экстравагантная идея, чтобы дать ответ сразу. Тем более, что я пока совершенно не понимаю некоторых моментов.

– Каких? – мгновенно оживился Беляев, и я поняла, что совершила главную, просто глобальную ошибку: я вступила в переговоры, а значит, готова обсуждать эту, с какой стороны ни посмотри, бредовую мысль. – Озвучьте ваши вопросы, Валерия, и я постараюсь дать на них исчерпывающие ответы. Мне не хотелось бы, чтобы между нами с самого начала возникло недопонимание или недоговорённость. Это неконструктивно, согласитесь.

– А вы, Дмитрий Васильевич, стесняюсь спросить, всегда подходите к выбору любовницы... конструктивно? И расцениваете эти... ммм... отношения именно как рабочие? Типа "начальник-подчинённый"? Простите, но это уже какие-то ролевые игры, а я в них не играю.

– Не спешите, Валерия. Вы сказали, что у вас есть вопросы по ряду моментов. Давайте их проясним, а потом уже вернёмся к теме... ролевых игр... – на последних словах его голос приобрёл какую-то настолько интимную интонацию,

что я невольно отодвинулась подальше. Мало ли, что этому странному мужчине в голову взбрѣдет. – Итак, что вас интересует?

Я наконец-то добралась до своего кофе, сделала глоток и поняла, что он уже порядком остыл. Заметив это, Беляев сделал едва заметный жест, и буквально через минуту чашку с остывшим кофе сменила новая, дымящаяся. Вот как он это так делает? С недавних пор мне стало казаться, что у некоторых людей есть в наличии некий тайный ген, который отвечает за умение распоряжаться другими, за умение отдавать приказы иногда лишь движением брови или взглядом. Я так не умею и никогда, скорее всего, не научусь. Да оно мне, в общем-то, и не надо.

Собравшись с мыслями, я посмотрела на своего непостижимого собеседника и медленно, взвешивая каждое слово, проговорила:

– Во-первых, зачем? Во-вторых, почему я? В-третьих, как надолго и что потом?

– Хорошие вопросы, – кивнул Беляев. – Правильные. Конкретные. Я действительно в вас не ошибся, Валерия. Я отвечу по порядку, хорошо? Итак, зачем мне это нужно. Не буду обманывать вас и говорить о том, что в моём сердце внезапно вспыхнула плохо контролируемая страсть. (На этом месте почему-то стало очень обидно...) Мне действительно нужна женщина, которая станет моей официальной любовницей, фавориткой, если это слово вам больше нравится. (Ну

да, точно, «просто – царь»...) Она иногда будет появляться со мной на неофициальных мероприятиях, в ресторанах, составлять мне компанию в поездках или на отдыхе, давать возможность репортёрам сделать так необходимые им «компрометирующие» снимки. Пока всё понятно?

Я только молча кивнула, и он продолжил всё тем же спокойным, деловым тоном:

– У меня достаточно серьёзный бизнес, Валерия, и сеть клиник, поверьте, не самый главный источник моего финансового благополучия, хотя и один из основных. Но в последнее время, как сообщают мне стопроцентно достоверные источники, значительно возрос интерес именно к моей не очень скромной персоне. Причём интересуются в основном моей личной жизнью, были откровенные попытки накопать на меня пикантный компромат. Я, как вы совершенно справедливо можете предположить, далеко не безгрешен, и меня совершенно не привлекает перспектива расследования моих маленьких приватных секретов. Поэтому я решил дать этим «сыщикам» пищу для размышлений. Я позволю им застать меня с любовницей. И потом планирую регулярно подогревать интерес к этой теме. Как говорится, «не можешь ликвидировать – возглавь». Это в очень и очень общих чертах. Потому что подробности вам, если мы не договоримся, ни к чему. Я ответил на ваш первый вопрос?

– Да, вполне, – я ошарашенно покачала головой. – Да уж, «тяжела и неказиста жизнь народного артиста», в смысле –

бизнесмена. На что только ни приходится идти!

— Второй вопрос: почему именно вы... — Беляев задумчиво посмотрел на меня и вдруг спросил. — Что бы вы сказали, Валерия, если бы я сейчас предложил вам поднять со мной в номер?

— Что?? Дмитрий Васильевич, вы что себе позволяете? — я даже растерялась, потому что вот такого вопроса совершенно не ожидала. — Мне кажется, я не давала вам повода... так думать обо мне. Хотя не сомневаюсь, желающие нашлись бы...

— Я вам нравлюсь? Не думайте, отвечайте быстро: да или нет?

— Да, — ляпнула я, не успев подумать и придержать язык, слишком уж повелительным был его тон, а я к такому как-то не привыкла — вот и растерялась. И в растерянности брякнула правду. — Ну вот... Нельзя так с девушками... Мы существа ранимые...

Беляев с огромным сомнением посмотрел на такую ранимую меня, но от комментариев благоразумно воздержался и продолжал:

— Ну что делать, если иначе от вас правды не добиться. Но сейчас не об этом. Мы выяснили главное: я вам нравлюсь.

— Ещё сделайте вид, что удивлены этим, — вполголоса проворчала я, всё ещё злясь на саму себя за излишнюю и уж точно никому не нужную откровенность. Вот правду говорят: язык мой — враг мой.

– Теперь давайте проясним второй беспокоящий вас момент: почему именно вы. Знаете, Валерия, мысль, которую я сегодня вам озвучил, появилась не вчера и даже не позавчера. Она формулировалась и обсуждалась не один раз, но мне как-то не встречалась женщина, которую я видел бы в этой роли. И вот вчера – вы, с вашими забавными замечаниями и отчаянной не то смелостью, не то наглостью, не то смешной уверенностью в себе. Признаюсь вам откровенно – это очаровательный коктейль! К тому же вы привлекательная молодая женщина, умеющая себя вести в обществе, с вами не стыдно появиться в приличном месте. К тому же вы умны, а у меня, уж простите мне эту интимную подробность, основная эrogenная зона – мозг. Ну вот не привлекают меня дуры, даже очень и очень хорошенькие... А когда я узнал, что вы недавно... стали свободны, я уже не сомневался. Вы мне нравитесь, Лера. И я повторяю своё предложение.

– Спасибо, – ошарашенно проговорила я, пытаюсь в максимально короткие сроки осмыслить свалившуюся на меня информацию. – Но ведь вы же... вы же... вы же меня... не любите. Как же... Нет, я понимаю, любовь – это совсем другое. Но ведь нужно же испытывать не только... в смысле – надо не просто нравиться, надо... не знаю... хотеть, что ли...

– А почему вы решили, что я не хочу? – в голосе Беляева проскользнули низкие, вибрирующие и какие-то опасные для моей уже и без того перегруженной психики нотки. – Лера... Судя по тому, как протекает наша беседа, ваше со-

гласие – вопрос времени. Давайте я слегка простимулирую ваш мыслительный процесс.

С этими словами он взял из стопки листков, которые отложил при нашем с Анатолием появлении, верхний, быстро пробежал его глазами и протянул мне. Это была страница из стандартного трудового договора, отличавшаяся от виденных мною ранее лишь примечаниями и суммой заработной платы. Я поморгала, всмотрелась и подняла на довольного Беляева растерянный взгляд.

– Скажите, Дмитрий Васильевич, вот эта сумма – это что?

– Это, Лера, ваша заработная плата. Премияльные выплачиваются отдельно. Вас устраивает?

– Хотела бы ответить «да», но... знаете, – я, отложив договор, задумчиво крутила в руках ложечку и никак не могла оставить её в покое. С детства так – когда нервничаю, обязательно что-нибудь в руках кручу. – Я чувствую себя... предметом, вещью, которую покупают по необходимости, и вопрос лишь в цене. Вещь-то не особо дорогая и не слишком нужная. Просто так получилось, что именно сейчас она необходима. А так – пройдёт надобность и уберут на дальнюю полку. Я, наверное, очень непонятно выражаюсь, да?

– Ну почему же... – Беляев задумчиво рассматривал меня. – Вы снова смогли меня удивить, Лера. Подавляющее большинство на вашем месте уже искали бы место, где можно поскорее поставить подпись, пока работодатель не передумал. А вас волнуют какие-то моральные аспекты. Забав-

но... И, знаете, почему-то мне кажется, что наше сотрудничество принесёт пользу не только мне. И я имею в виду не только и не столько зарплату, сколько те полезные и перспективные знакомства, которые вы сможете завязать за время нашей совместной работы.

– Скажите, Дмитрий Васильевич, а моя роль, она предполагает... – тут я окончательно смутилась, так как вопрос задать надо было, а вот как это сделать – тут уже... – Скажите, наше сотрудничество предполагает сексуальные отношения?

– А вот это, Лера, будет только если вы сами этого захотите, и никак иначе, – этот гад откровенно наслаждался моим смущением, – но я почти уверен, что и здесь мы придём к консенсусу. Ну так каким же будет ваш ответ?

– А можно мне испытательный срок?

– Испытательный срок? Зачем? И что мы будем испытывать? – он неожиданно перегнулся через стол и взял в ладони мою руку. Жест получился каким-то очень личным, почти интимным. – Лера, я уверен, что всё будет прекрасно, но если вам так будет спокойнее, то давайте установим этот ваш испытательный срок, скажем, на три недели. Если вы поймёте, что это – не ваше, что я вам неприятен как начальник и не привлекаю вас как мужчина, я не буду препятствовать и отпущу вас. Так годится?

Я кивнула, обратив внимание на то, что двое мужчин, только что вошедших в бар, заметили, как Беляев взял меня за руку, и что-то теперь оживлённо обсуждали. Я взгля-

нула в кристально честные светло-серые глаза моего нового начальника и тихо прошипела:

– Вы это нарочно, Дмитрий Васильевич! Вы хотели, чтобы они увидели, как вы тут меня за руки хватаете. Ну как вам не стыдно!

– Мне? Мне очень стыдно, Лера, честное пионерское! – он засмеялся, не выпуская из рук мою нервно подрагивающую ладошку. – И привыкай обращаться ко мне по имени, хорошо? Дмитрий, а ещё лучше – Дима.

– Нет, я не смогу, не сегодня, – я отчаянно замотала головой, – Это уже слишком для бедной маленькой меня!

– Ну хорошо, но привыкай, ладно? И, естественно, на «ты», да, Лерочка?

Господи, во что же я вляпалась??

Тем временем Беляев выпустил мою руку и, снова став очень серьёзным, сказал, глядя мне в глаза:

– Лера, давай я ещё кое-что проясню. Тебе ничего не нужно делать специально, поверь: я всё сделаю сам.

При этих словах я нервно хихикнула: именно эти слова в любимых мною дамских романах говорили brutальные мачо своим возлюбленным, планируя лишить их невинности. Brutальный мачо в наличии имелся, а вот со всем остальным наблюдалась явная напряжёнка. Дмитрий Васильевич причин моего хихиканья, к счастью, не понял и лишь удивлённо заломил бровь. Но ничего не спросил, заработав, определённо, плюсик к карме.

– Так вот, – продолжил он после небольшой паузы. – Тебе не придётся что-то специально делать или придумывать. Просто позволь мне начать за тобой ухаживать. Я умею, честное слово. Никто не удивится, так как многие были свидетелями нашего с тобой вчерашнего незабываемого знакомства. И то, что я решил приударить за понравившейся мне умной женщиной, будет выглядеть совершенно естественно. Просто, если я вдруг сделаю что-то для тебя неожиданное, не шипи разъярённой кошкой, что «мы так не договаривались», ладно?

– Надо же... – я снова принялась мучить многострадальную кофейную ложечку, – а мне говорили, что вы исключительно честный семьянин и ни разу не были замечены с ... посторонними женщинами. Разве не будет странным, что вы вдруг изменили свою позицию по данному вопросу? Не боитесь разрушить положительный имидж?

– А обо мне так говорят? – Беляев довольно улыбнулся. – Значит, так и есть. Люди, они же всегда всё знают, про интернет я даже не говорю. А насчёт имиджа... может быть, как раз сейчас самое время его сменить? Как думаешь?

– Вот уж не знаю, – я пожала плечами, показывая, что беляевский имидж мне в общем-то, если разобраться, до лампочки. – А что, положительный образ уже жмёт в плечах?

– Есть немного, – он как-то неожиданно по-хулигански ухмыльнулся, моментально помолодев лет на десять. Интересно, кстати, а сколько ему лет? На вид около сорока, но

современная косметология творит чудеса. А вдруг ему уже пятьдесят или больше? Хотя вряд ли: волосы тёмные, но седины не видно, морщин практически нет, так... «гусиные лапки» вокруг глаз. Нет, ну не пятьдесят, нет! Не то чтобы это имело какое-то принципиальное значение, но просто интересно. – О чём ты задумалась, так внимательно на меня глядя?

– А сколько вам лет? – неожиданно для самой себя спросила я вдруг, но тут же покраснела и обругала себя последними словами. Мало того, что это в принципе некорректный вопрос, так ещё надо думать, кому можно задавать такие вопросы, а кому не стоит... для спокойствия и сохранения нервов. – Простите, ради бога. Это я от растерянности. И от нервов. И от вашего предложения. И от... От всего, в общем.

– Для тебя это имеет значение? – Дмитрий Васильевич слегка нахмурился, и я про себя тут же решила: точно, как минимум пятьдесят. Иначе чего бы ему напрягаться?

– Не особенно, просто, когда вы улыбнулись, то резко помолодели, вот я и задумалась, – честно призналась я, не видя смысла увиливать от ответа. Тем более обманывать. Это вообще очень непростая штука – грамотно врать. Всегда можно забыть, чего напридумывал, и оказаться в дурацком положении.

– Мне сорок три, и я очень надеюсь, что тебя это не смутит, – мне показалось, или Беляева действительно беспокоил этот момент? – Я назвал не слишком ужасную цифру? Лера,

считается, что для мужчины это самый расцвет умственной и, хм, физической формы.

– Нет, конечно, – я облегчённо перевела дух и махнула рукой, – совершенно нормальная цифра. И потом – даже если бы было больше, мне же вас не варить... Так что цветите себе на здоровье!

Беляев нахмурился, помолчал, а потом расхохотался, так искренне и заразительно, что я не могла не улыбнуться в ответ.

– Ох, Лера, я чувствую, что проведённое с тобой время будет гораздо более захватывающим, чем я мог предположить, – он вытер выступившие от смеха слёзы и вдруг неуловимо напрягся. Нет, улыбка по-прежнему сверкала, поза оставалась расслабленной, но что-то изменилось. Может быть, взгляд, из которого исчезли смешинки, может быть, скулы обозначились чётче – не знаю, очень сложно объяснить. Но я не удивилась, когда в поле моего зрения появился один из недавно вошедших в бар мужчин, тех самых, что обратили на нас внимание. Вы когда-нибудь видели викингов? Нет? Я до этих пор тоже.

– Дмитрий Васильевич, приветствую! – проговорил он, протягивая Беляеву руку, которую тот пожал, поднявшись из кресла навстречу подошедшему. – Так и надеялся, что перед конференцией застану тебя здесь. Надеялся перекинуться парой слов, но не предполагал, что ты будешь в компании, да ещё и с прекрасной незнакомкой. Не представишь нас?

– Разумеется, – в голосе Дмитрия Васильевича было столько льда, что вполне хватило бы на небольшую локальную Арктику. – Валерия Андреевна Одинцова, пока просто мой спичрайтер, а в перспективе – редактор «Тетриса».

Я вежливо кивнула, стараясь, по выражению Макса, сделать умное лицо и не показать, что очень удивлена появлением в своей карьере очередной внезапной должности. Беляев тем временем продолжал:

– Герман Янович Верзиныш – наш партнёр из замечательного города Риги.

Рижский гость облобызал мне ручку и попросил позволения присесть. Разумеется, ему позволили. Сказать, что я чувствовала себя неуверенно, – это не сказать ничего.

– Не знал, что тебе нужен спичрайтер. Или слухи не врут, и ты собираешься активизироваться в политике? Дело, конечно, твоё, но подумай.хлопотно, и не всегда оправданные риски. Хотя, пожалуй, в любом случае от такого симпатичного помощника и я не отказался бы, – он по-свойски и как-то слегка похабно подмигнул Беляеву, улыбка которого стала ещё лучезарнее, если такое вообще возможно.

– Насчёт своих планов я, пожалуй, промолчу, а то знаю я: тебе палец в рот не клади – по локоть руку отхватишь! Шустрая нынче молодёжь пошла! – и Дмитрий Васильевич вроде как одобрительно и слегка покровительственно похлопал нежданного гостя по плечу, и того аж перекосило от пока не очень понятных мне эмоций. И вообще я чувствовала

себя, как маленький котёнок, внезапно оказавшийся между двумя рычащими и скалящими друг на друга зубы тиграми. Хотелось съжаться и, тихо пятясь и подрагивая хвостиком, убраться с арены боевых действий. А то ведь эти оба – затопчут и даже не заметят. Интересно, какая кошка (и что это меня сегодня потянуло на семейство кошачьих?) между ними пробежала? Хотя нет, не интересно, ибо такие знания мне ни к чему – меньше знаешь, крепче спишь. В моём случае это очень своевременная мысль, как мне кажется! Поэтому делаю нейтральное лицо и срочно придумываю причину для побега.

– Валерия Андреевна, вы, видимо, журналист? – вдруг обратил на меня внимание викинг. – Я никогда не имел удовольствия общаться с людьми вашей ... древнейшей профессии, – тут он снова как-то масляно ухмыльнулся, и я поняла, что вот конкретно этот мужчина мне активно не нравится, несмотря на его несомненную внешнюю привлекательность, – это, наверное, очень непросто – написать речь, это ведь нужно прекрасно разбираться в теме. Ну и языком нужно владеть мастерски, – и очередная двусмысленная усмешка.

– А у меня с языком всё в абсолютном порядке, – улыбаясь, вернула я ему более чем прозрачный намёк, чувствуя, как внутри поднимается волна злости, – у меня были прекрасные учителя, знаете ли. Научили владеть им практически в совершенстве, представляете? Особенно в области ...

числительных. Правда, Дмитрий Васильевич?

– Несомненно, – Беляев откровенно забавлялся, – особенно Валерии удаются сложение и умножение, – доверительно сообщил он слегка зависшему прибалтийскому гостю, который явно не понимал причин веселья собеседника. Знаете, как бывает, когда в компании двое перебрасываются понятными только им двоим шутками, а остальные чувствуют себя «не в теме».

– И ещё проценты, – картинно возмутилась я, – вы забыли про проценты, Дмитрий Васильевич!

– Какие у вас интересные ... служебные взаимоотношения, – прокомментировал наконец-то очнувшийся викинг. – А могу я вас попросить о паре уроков, Валерия? Знаете, иногда я делаю ошибки, всё же русский язык для меня не родной, и мне очень пригодилась бы помощь опытного специалиста в области ... языка.

– А вот с этими вопросами, пожалуйста, обращайтесь к моему непосредственному руководству, – я подчёркнуто нежно посмотрела на довольно скалящегося Беляева, – моим рабочим временем распоряжается исключительно Дмитрий Васильевич.

– Обломись, Герман, – Беляев, смеясь, развёл руками, – не могу и не хочу. Рабочее время Валерии Андреевны принадлежит исключительно мне. У меня на него, так сказать, эксклюзивные права.

– А нерабочее время кому принадлежит? – тут же ухва-

тился за нюанс формулировки рижский мачо, – по всей вероятности, супругу очаровательной Валерии? Можно я буду обращаться к вам так? У нас, как вы наверняка знаете, не приняты отчества, да и ни к чему подобные формальности столь юной особе.

– Конечно, – кивнула я, – в неофициальной обстановке можно Валерия. Просто Валерия, – тут я перевела смеющийся взгляд на ехидно приподнявшего бровь Беляева. – А что касается моего нерабочего времени, то пусть это останется моей маленькой тайной, хорошо? А теперь позвольте мне вас покинуть, господа. Вам наверняка нужно пообщаться без посторонних. Да и меня дела ждут не дождутся. Чрезвычайно рада знакомству, Герман Янович.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.